

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новороссийский университет — один из старейших университетов Украины. Торжественное открытие его состоялось 1 мая (по старому стилю) 1865 года. Благодаря усилиям трудившихся здесь крупных ученых — И. И. Мечникова, И. М. Сеченова, А. О. Ковалевского, Л. С. Ценковского, Н. Ф. Гамалеи, А. А. Вериги, Н. Д. Зелинского, А. С. Посникова, А. А. Кочубинского, Ф. И. Успенского, Н. И. Танфильева, Н. А. Умова, Н. Н. Ланге, В. И. Григоровича и др. университет стал играть заметную роль в развитии отечественной науки и просвещения, в формировании многогранной культурной жизни края.

Характер и значение существовавших в университете научных школ, деятельность здесь видных ученых и педагогов, участие преподавателей и студентов в общественно-политической жизни, революционном движении достаточно подробно отражены в изданных уже в советский период книгах об университете (1). Тем не менее, на наш взгляд, и сегодня нет оснований для утверждения, что все стороны и периоды жизни Новороссийского университета исследованы полно и объективно. Во-первых, для указанных изданий в большей или меньшей мере характерна политизация как в подборе фактов, так и в их интерпретации. Например, если деятельность представителей революционного лагеря, социал-демократов, особенно большевиков, раскрыта весьма, иногда даже чрезмерно подробно, то о роли и месте представителей других политических сил и партий сказано непропорционально мало. Во-вторых, в названных книгах лишь вскользь упоминаются или вовсе «забыты» имена ряда работавших здесь преподавателей и научных сотрудников, деятельность которых не могла быть оценена как прогрессивная в советском, большевистском понимании этого слова. Контрреволюционно, консервативно,

либерально настроенные преподаватели, нередко представлявшие из себя достаточно крупные величины в научно-педагогическом плане, изображены упрощенно, однозначно негативно. Кроме того, содержание названных книг почти не позволяет удовлетворить интерес к человеческому, нравственному содержанию университетской истории, не дает возможности ощутить личностный компонент, атмосферу, аромат той или иной эпохи в жизни университета. Уместно заметить, что в этом отношении гораздо весомее выглядит дореволюционное издание, посвященное Новороссийскому университету (2). Для этой книги, написанной «по горячим следам» выпускником университета А. И. Маркевичем, характерно как раз умелое использование фрагментов воспоминаний, автобиографий, рассказов тогда еще живых очевидцев описываемых событий, студенческих преданий, да и сам автор нередко обращается к своей памяти. Содержание данной книги, как нам кажется, делает очевидным, что устранение некоторых недостатков, присущих современным историческим очеркам об университете, возможно именно за счет более широкого вовлечения в научный оборот такого ценного исторического источника, как воспоминания современников. Не случайно в последнее время внимание к мемуарам (3) заметно возросло. Как специалисты, так и все интересующиеся прошлым, не без основания надеются именно благодаря мемуарам попытаться разглядеть неповторимые, почти не различимые в источниках иного характера детали давно миновавших событий, понять подлинные, иногда сознательно скрывавшиеся, причины тех или иных общественных явлений, процессов. Действительно, мемуары, как никакой другой вид исторических источников, позволяют окунуться в мир живших в прошлом людей, ощутить накал их когда-то бурно кипевших страстей, подышать воздухом их времени. Интерес представляет даже неизбежная, неустрашимая пристрастность, субъективность мемуаристов. Задача исследователя заключается в том, чтобы овладев разнообразными источниками исторической информации, вооружившись современной методикой научного анализа, взять не только факты, но и выяснить отношение к ним автора воспоминаний, его трактовку, интерпретацию описываемых им событий. Весьма важно даже то, о чем автор воспоминаний умалчивает, где говорит полуправду, кого или что и в каком виде пытается представить. Это способствует более глубокому пониманию социально-психологических, идейных, политических и других аспектов исторического развития (4).

Воспоминаний о дореволюционных университетах России сохранилось достаточно много. Публикации их имеют в основном журнально-газетный характер. Издания в виде книг и брошюр, как правило, были повторными публикациями. Мемуары печатались в журналах «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Голос минувшего», «Былое» и др. Часть из мемуаров представлены отдельными статьями в соответствующих сборниках, собраниях сочинений авторов. Однако тематических сборников, специально посвященных воспоминаниям современников о тех или иных сторонах жизни и в целом об истории конкретных университетов, опубликовано мало: до революции вышло два таких сборника (5), в советский период увидели свет так же два сборника воспоминаний о ведущих университетах дореволюционной России — Московском и Петербургском (6).

Общее представление о массиве мемуаров об университетах дают материалы фундаментального библиографического указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» (далее: ИДРДВ) под редакцией проф. П. А. Зайончковского (7). Правда, ряд публикаций, зафиксированных в ИДРДВ в качестве мемуаров, на наш взгляд, таковыми не являются. Так, сведения, приводимые И. В. Карвацким и П. Н. Бучинским о Л. С. Ценковском (8), И. И. Пузановым об А. А. Браунере (9). Г. И. Потапенко о преподавателях ботаники Новороссийского университета (10) являются по существу обычными биографическими очерками о деятельности конкретных ученых.

Учет мемуарных публикаций, отмеченных в названном указателе, а также выявленных нами дополнительно, позволяют утверждать, что непосредственно о Новороссийском университете, деятельности его преподавателей и студентов и т. п. опубликовано около 70 воспоминаний. Конечно, эту цифру нельзя считать окончательной, поскольку трудно учесть буквально все впечатления, суждения, замечания относительно университета. Надеемся, что все сколько-нибудь важные мемуары попали все же в поле нашего зрения.

Наличие значительного количества мемуаров о Новороссийском университете связано как с процессом развития мемуарного жанра в целом, так и с воздействием во второй половине XIX — начале XX века сложного комплекса явлений экономического, политического, идеологического, социально-психологического характера. Это было время, когда грандиозные исторические перемены внутри государства и на внеш-

ней арене будили личную энергию и инициативу людей, способствовали росту национального самосознания, успехам образования, в том числе и университетского, развитию книгопечатания и демократизации газетно-журнального дела. Весь этот стремительный поток неведомых ранее впечатлений, раздвигая умственные горизонты личности, повышал интерес к ее внутреннему миру и ее собственной истории. Это давало себя знать и на почве мемуаротворчества: «расшевеленная умственная деятельность, вид массы новшеств, вошедших в жизнь, наталкивали на сравнение старого и нового, при сравнении же являлось желание записать, сохранить для самого себя и близких лиц то, что было прежде и что все более и более изменялось» (11).

Конечно, особенностью этого вида источников по истории университета является субъективизм отображения и оценок конкретно-исторических фактов. Отношение мемуариста к описываемым событиям и лицам определялось в первую очередь общественно-политической позицией автора, а также степенью его информированности, уровнем его общекультурного и исторического кругозора, специфическими особенностями его памяти и литературной одаренности. Весьма существенным было воздействие и объективных факторов: характер социально-экономического развития общества, политическая ситуация в стране, литературная конъюнктура и т. п.

Цель данной статьи — кратко охарактеризовать массив воспоминаний по истории Новороссийского университета, при этом анализу будут подвергнуты только опубликованные мемуары.

Следует отметить, что объем и обстоятельность мемуаров неравноценны. Воспоминания, касающиеся Новороссийского университета, можно разделить на три группы: 1) мемуары общего характера, освещающие эпоху в целом. Университетская тема в них не является главной, ей посвящены лишь отдельные фрагменты; 2) мемуары, относящиеся к характеристике отдельных лиц. Из привлеченных нами воспоминаний к этой группе относится абсолютное их большинство (до 80%). Стимулом к написанию мемуаров этого рода являлось стремление их авторов поделиться своими впечатлениями о выдающихся преподавателях или студентах, приобретших известность впоследствии; 3) мемуары, описывающие отдельные события. Наряду с воспоминаниями первой группы, это — самая малочисленная часть привлекаемого нами массива мемуаров.

Конечно, эта классификация, как и любая другая, весьма условна, так как в одном и том же сочинении часто содержатся элементы, свойственные разным группам мемуаров. К примеру, воспоминания крупнейшего государственного деятеля России графа С. Ю. Витте представляют собой широкую и яркую панораму российской действительности второй половины XIX — начала XX века: от полусонной жизни тихих провинциальных городков до блестящих столичных салонов, царских апартаментов. Апология своих собственных поступков и продолжение уже на страницах книги борьбы со своими политическими противниками, зависимицами и недоброжелателями — главная цель воспоминаний. Однако С. Ю. Витте, окончивший в свое время физико-математический факультет Новороссийского университета, делает интересные, убедительные зарисовки из жизни *alma mater*, вспоминает о своих университетских товарищах и учителях (12).

В мемуарах профессора В. И. Модестова в центре повествования — события, связанные с открытием и первыми годами деятельности Новороссийского университета. Однако при этом автор приводит и сведения, важные для понимания образа жизни, привычек столичной и местной профессуры, с мастерством незаурядного наблюдателя и психолога передает атмосферу научного диспута, рисует портреты ряда университетских преподавателей: И. Д. и Н. Н. Соколовых, В. И. Григоровича и др., раскрывает особенности, противоречивость их натур (13). Воспоминания В. И. Модестова интересны еще и содержащейся в них характеристикой профессорского корпуса молодого университета. По признанию самого автора — это наиболее мрачная, горькая сторона мемуаров. В повествовании о собственной деятельности в Новороссийском университете В. И. Модестов заметно субъективен и для возможно более правдивой оценки его роли и места в университете необходимо учесть сведения, содержащиеся также в воспоминаниях Б. В. Варнеке (14), однако суждения В. И. Модестова о лицейских профессорах, перешедших в Новороссийский университет, заслуживают внимания. Актуальны и сегодня его мысли о пагубности интриганства для сохранения духа университетского товарищества и солидарности, полноценной академической жизни. Вот как пишет В. И. Модестов о лицейских профессорах: «...привыкшие к другим отношениям к начальству, чем какие обычны у профессоров университета, они не могли, как следует, войти в новую роль членов автономически управляющегося университета и любя искать поддержки

ки своим желанием или домогательствам на стороне, нередко проявляли весьма некрасивый дух интриги... В интриге этой некоторые из них заходили дальше пределов, полагаемых самими простыми правилами нравственности и приличия..., вмешивались даже в семейные дела других и считали для себя удовольствием их расстраивать... Необходимо принять и то во внимание, что большая часть переданных университету лицем профессоров была ниже своего нового положения, и интересы науки ей были совершенно чужды. А как только в университетских корпорациях заводился элемент, смотрящий на профессию лишь как на служебную карьеру, расстройство университетских дел неизбежно. и в таком университете напрасно было бы ждать мира и согласия. Жертвами возникающих замешательств и раздоров обыкновенно бывают люди, преданные науке и наиболее дорогие для университета: они не выдерживают этого духа грязной интриги, старающейся проникнуть во все университетские отношения, и покидают университет, а интриганы остаются и торжествуют...» (15).

Интересные данные о времени и о себе дает и Д. Н. Овсяннико-Куликовский, который начинает свои воспоминания с картинок далекого детства, учебы в Ришельевской и Симферопольской гимназиях, на историко-филологических факультетах Петербургского, а затем Новороссийского университетов и завершает их сведениями об участии в деятельности «Одесской Громады», переезде в Петербург, связях с членами местных нелегальных кружков, знакомстве с Г. А. Лопатиным, Н. А. Морозовым, М. П. Драгомановым, П. Л. Лавровым, своей научно-педагогической и публицистической деятельности, увлечении психологией преступности и литературного творчества, изучении раскола и взаимоотношений морали и искусства. Однако это охватывающее значительный период развития страны и общества полотно включает и интересующие нас детали, а именно — его профессионально исполненные зарисовки о своих учителях, профессорах Новороссийского университета В. И. Григоровиче, И. В. Ягиче, Л. Ф. Воеводском, Ф. И. Успенском, Н. П. Кондакове, Ф. К. Бруне, Р. В. Орбинском, И. С. Некрасове и др. (16). Аналогичные черты присущи воспоминаниям Н. Ф. Гамалеи (17).

Разные периоды в истории университета освещены в мемуарах в неодинаковой степени. Наиболее подробно отраженное в воспоминаниях время — 60-е — 70-е годы XIX века. Этому периоду посвящена примерно треть всего массива выявленных нами мемуаров. Причина такого повышенного вни-

мания мемуаристов к указанному периоду связана, очевидно, с тем, что это было время общественного оживления, реформ, менявших устоявшийся уклад жизни как страны в целом, так и университетов. Именно на эти переломные годы пришлась пора учебы многих выдающихся, широко известных в дальнейшем людей. Свои воспоминания об этом периоде, в том числе и о Новороссийском университете, его порядках и обитателях С. Ю. Витте, А. М. Де-Рибас, А. С. Таубер, А. Левитский, А. Н. Шехтер, И. И. Мечников, Д. К. Заболотный, И. В. Карвацкий, А. Л. Колянковский, И. А. Линниченко, А. И. Маркевич, П. Н. Ардашев, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, И. Я. Акинфиев, Г. Е. Афанасьев, П. К. Борзаковский, П. Н. Полевой, Г. Г. Де-Метц и др. писали уже в то время, когда сами вошли в возраст, в котором пора подводить жизненные итоги. Но ценность их мемуаров определялась не столько их стремлением рассказать о личных ошибках, достижениях и утратах, сколько желанием совершить ретроспективный экскурс в прошлое для его сравнения с настоящим, попыткой провести исторические аналогии и в конечном счете лучше понять современные проблемы, предложить, основываясь на собственном жизненном опыте, свои варианты их решения.

К примеру, воспоминания И. Я. Акифиева об И. Ф. Лдыреве хорошо передают то повышение роли науки, уважения к университетским профессорам, которые связаны были с эпохой великих реформ 60-х годов XIX века. «В то время устанавливался взгляд, что положительному знанию суждено решить все проблемы органической жизни; положительное знание, и только оно одно, признавалось высшим идеалом человеческих стремлений. Не удивительно, что студенты того времени верили в это знание и ему одному поклонялись. Не удивительно, что за лекциями и работами в лабораториях и кабинетах студенты проводили весь день, с 9 часов утра до 10—11 часов ночи. Двери храма науки никогда, даже и по праздникам, не закрывались перед тем, кто входил туда для работы» (18). Аудитории, где читали лекции профессора-натуралисты И. И. Мечников, И. М. Сеченов, Н. А. Головкинский, Ф. Н. Шведов, А. А. Вериго, А. О. Ковалевский были всегда переполнены не только студентами-естественниками, но и филологами, юристами, совершенно посторонними, не имеющими отношения к университету лицами, что в то время допускалось (19). Пожалуй, И. Я. Акинфиев — единственный, кто повествует о настроениях, устремлениях, идеалах

студенческой молодежи, готовившей себя к «хождению в народ». Даже в обстоятельных мемуарах Д. Н. Овсяннико-Куликовского, подробно описавшего свои студенческие годы (1871—1876), об этом направлении общественного движения практически ничего не сказано. И. Я. Акинфиев же, вспоминая об этом, писал: «Участвовать по вечерам на сходках, на запрещенных собраниях, читать запрещенные книги и все прочее считалось для огромного большинства студентов обязательным. Но во всех разговорах, спорах и действиях, относящихся к недозволенному, у студенчества тогда не проявлялось, как теперь проявляется, нетерпимости, взаимной вражды, ненависти и жестокости... Авторитет главаря держался не на конспирации, не на чем-нибудь внешнем, физическом, а на логике убеждения и силе знания» (20). В народ шли с целью просветить темного человека в понимании его политического положения и просто понимания окружающей среды... вооруженные духовными силами, а не огнестрельным оружием и бомбами...» (21).

Следует отметить, что мемуары об этой эпохе, написанные в 1880-е — первой половине 1890-х годов и в 1900-х — 1910-х годах заметно отличаются. Если для мемуаров предыдущего периода характерна сдержанность тона, даже некоторая сухость повествования, то воспоминания начала XX века становятся заметно живее, раскованнее, глубже по содержанию, им свойственна полемическая заостренность, идейно-политическое размежевание.

Еще один период, которому мемуаристы уделили больше внимания, в сравнении с предыдущей эпохой — революционные потрясения 1905—1907 годов и послереволюционного «наведения порядка». Значительная часть этих воспоминаний (22) писалась уже в советский период, что наложило отпечаток на их характер: они явно политизированы, в них заметны идеологические штампы и стереотипы, присущие историческим публикациям того времени. Конечно, все партии, особенно кадеты, с которыми большевикам приходилось бороться за влияние на студенчество, показаны как безусловно контрреволюционные, антинародные политические силы. Тем не менее, игнорировать названные мемуары не следует, и в них содержится немало интересной, полезной информации. Так, например, в воспоминаниях А. М. Александрова приводятся малоизвестные сведения о месте и роли студентов университета в общепартийных революционных выступлениях в 1905 году, о популярных в студенческой среде лозунгах и требованиях, о пар-

тийном составе и идейной эволюции Коалиционного совета, правилах и порядке выборов, структуре и компетенции сменившего его Центрального органа. Данные мемуары позволяют выяснить некоторые подробности процесса над ректором Новороссийского университета И. М. Занчевским и проректором Е. В. Васьковским «за бездействие власти» в период революции 1905—1907 г.г., деятельности ряда профессоров университета (Н. Н. Ланге, Е. Н. Щепкина и др.).

Иной взгляд на события периода первой российской революции, взгляд из среды ее действительных, принципиальных противников, представляют собой также заметно политизированные, но, так сказать, с противоположной стороны, воспоминания о бывшем студенте естественного отделения физико-математического факультета Борисе Клитине (23). Учет фактов, приводимых в мемуарах авторов, относящихся к противостоящим общественно-политическим лагерям, особенно интерпретация этих фактов, позволяет глубже понять суть происходивших в указанное время в Одессе и в целом в стране событий.

К сожалению, археографический уровень многих мемуаров недостаточно высок. Абсолютное большинство их лишены обстоятельных предисловий, комментариев. Слабая подготовка мемуаров к изданию, отсутствие практики предварительной проверки сообщаемых автором сведений приводили к тому, что мемуары нередко противоречили друг другу, читателю предоставлялась возможность самому докапываться до истины. Многие воспоминания существенно пострадали в силу того, что издатели мало заботились о целостности мемуаров, выбрасывали значительные их куски, оставляя лишь привлекательный для публики материал, который мог обеспечить изданию коммерческий успех.

Что касается противоречий, встречающихся в различных мемуарах, то они чаще всего относятся не столько к фактам, сколько к их интерпретации, к оценкам личностей, событий или явлений. Эти оценки определялись характером, взглядами, политическими симпатиями самого мемуариста. Поэтому суждения, мнения различных авторов на одни и те же факты, об одном и том же человеке иногда совершенно не совпадают. Примером подобного расхождения может служить весьма отличающаяся по ряду позиций почти полярная оценка А. И. Маркевичем и П. Н. Полевым личности и деятельности, даже внешности Виктора Ивановича Григоровича — одного из самых известных профессоров Новороссийского университета.

Так, П. Н. Полевой пишет о «...нравственной пришибленности и какой-то запуганности, которая совершенно обезличивала Виктора Ивановича, побуждала его стоять навтыжку перед начальством. и каждому, по мере сил, говорить приятные, льстивые, заискивающие речи» (24). Профессиональные качества В. И. Григоровича и как преподавателя, и как ученого, и как декана историко-филологического факультета П. Н. Полевой характеризует следующим образом: «...Бесцветный, обезличенный, бесхарактерный — он весь выдохся, опустился и как бы замер уже и в той поре, когда другие научные деятели только еще входят в настоящую силу... Нужно ли говорить, что он и покончил свою научную карьеру за много лет раньше своей смерти...» (25).

Мнение А. И. Маркевича о В. И. Григоровиче совершенно иное: «...С одной стороны громадные знания и ученый авторитет, дававшие возможность всегда руководить учащимся и помочь ему, — с другой — умение показать все значение славноведения. из уроков прошлого вывести программу для будущего...» (26). «...Велико значение трудов В. И. Григоровича в истории науки; но глубок и след, оставленный им в сердцах его слушателей..., деятельность таких лиц, как В. И. Григорович далеко не прекращается их смертью...» (27).

Поводом для написания и публикации мемуаров нередко являлись юбилеи университета или отдельных лиц, причем одни мемуары иногда вызывали появление других, с поправками, дополнениями, опровержениями, критикой, полемическими замечаниями и столкновением мнений. Так, мемуарные заметки-размышления известного в свое время одесского журналиста А. Е. Кауфмана (28) вызвали ответ профессора университета Г. Е. Афанасьева (29).

А. Е. Кауфман в своей публикации прямо ставит задачу: показать в пятидесятилетней истории Новороссийского университета «не только свет, но и тени». Одной из таких теневых сторон он считает то, что одесские профессора в большей мере, чем в других университетских городах, «принимали деятельное участие в местных муниципальных, промышленных, банковских, общественных и т. п. учреждениях. Люди, которые могли бы прославить свои имена в науке, приобщались к отнюдь не научным учреждениям, променяли аудитории на банки и кафедры на банковские пульта и конторки...» (30). В этой связи автор называет имена многих видных ученых университета: А. И. Маркевича, Г. Е. Афанасьева, Р. В. Орбинского, С. П. Ярошенко и др. Г. Е. Афанасьев, основываясь на

собственных воспоминаниях, дает пояснения по поводу наблюдений и рассуждений А. Е. Кауфмана, обращает внимание на ряд фактических ошибок и неточностей в его публикации.

Полемическое выступление Г. Е. Афанасьева вызвало ответную реакцию А. Е. Кауфмана, в очередной публикации (31) он добавляет новые штрихи к истории университета-юбилея, дает кое в чем даже более резкие оценки определенным сторонам его прошлого и настоящего. В частности, он пишет «...Что касается травли инородцев в Новороссийском университете и до воцарения в нем гг. Левашовых — то кто из этого не знает! Среди наших университетов Новороссийский университет всегда выдавался своей реакционностью...». Здесь же он выражает свое согласие с утверждением, что профессорский персонал «за небольшим исключением, всегда был обращен в высшей степени в серый цвет. Мало у нас серьезных деятелей науки, а попадавшиеся случайно стремились перелазить, как можно скорее, в другие университеты. Лучшими из деятелей Новороссийского университета чувствовали себя временными его гостями» (32).

Еще одной побуждающей причиной появления некоторых воспоминаний являлось желание их авторов воздать последнюю дань уважения ушедшим из жизни коллегам, учителям, ученикам. Правда, в таких публикациях приводились лишь положительные, а значит неизбежно односторонние сведения об умершем, однако в мемуарах этого рода нередки были и выразительные характеристики, оценки различных сторон и периодов истории университета. В этом отношении представляют интерес некрологи Г. Т. Перетятковича, А. И. Маркевича, А. И. Кирпичникова, М. Г. Попруженко о Н. Ф. Красносельцеве, Г. Г. Де-Метца о Ф. Н. Шведове, Л. Шепелевича, Е. Редина, М. Г. Попруженко об А. И. Кирпичникове, И. И. Мечникова об Н. А. Умове, А. И. Маркевича о П. О. Юрченко, И. А. Линниченко об А. Е. Назимове, В. М. Истрина об А. В. Рыстенко.

Социальный диапазон авторов мемуаров так же широк, как и состав студенчества и преподавательского корпуса. Разнословных по происхождению мемуаристов сближало то, что все они относились к образованному обществу, в котором сословные различия смягчались под воздействием просвещения, знакомства с общемировыми духовными ценностями.

Наиболее содержательные и ценные мемуары о Новороссийском университете, и это, пожалуй, характерно и для других воспоминаний о других университетах, оставили его питомцы

Для них время учебы в *alma mater* было важнейшим периодом их жизни, связанным с формированием собственного мировоззрения, нравственных принципов, характера, социализации личности. Естественным было их желание через воспоминания о пройденном пути передать своим близким потомкам, молодежи вообще крупицы приобретенного жизненного опыта, назидательных уроков, призванных помочь в утверждении высоких идеалов, преодолении неприятностей и лишений. Среди этой группы мемуаристов преобладали гуманитарии, почти исключительно историки и филологи (около 65% всех воспоминаний). Вероятно, решающим образом сказывались в данном случае их профессиональные навыки, склонность к писательству.

В отличие от других университетов практически не оставили воспоминаний юристы — питомцы Новороссийского университета. На наш взгляд, отчасти это объясняется консервативностью значительной части профессорско-преподавательского состава этого факультета, наличием здесь таких известных в научном плане, но одиозных в политическом отношении фигур как А. Ф. Федоров, Н. Е. Чижов, А. И. Загоровский, А. И. Алмазов, П. Е. Казанский и др., лекции, политические заявления которых нередко вызвали получавшие широкий общественный резонанс протесты студенческой массы (лекции П. П. Цитовича, «Богишичевская история» и т. п.). Эти преподаватели видели главную свою научную и гражданскую задачу в обосновании, защите действовавшей в то время системы законодательства, существовавшего политического строя и в таком же духе стремились формировать мировоззрение своих питомцев.

Удельный же вес воспоминаний выпускников физико-математического факультета, особенно естественного его отделения, в общей массе воспоминаний о Новороссийском университете заметно выше, чем по другим университетам страны. Это опять-таки связано с наличием здесь выдающихся естествоиспытателей, широко известных не только в России, но и за рубежом, таких как И. И. Мечников, И. М. Сеченов, А. О. Ковалевский, Л. С. Ценковский, Н. Н. Ланге, Н. Д. Зелинский, Н. А. Умов и др. Это были не только крупные ученые, но и общественно-активные люди, стремившиеся своей деятельностью, в том числе и на поприще мемуаристики, содействовать развитию своей родины по пути прогресса, что многими из них связывалось с утверждением либеральных и демократических идей.

Особый интерес представляют мемуары студентов, ставших впоследствии профессорами: А. И. Маркевича, И. А. Линиченко, И. И. Мечникова, М. Г. Попруженко, Н. Н. Ланге, Б. В. Варнеке, В. М. Истрина, Е. К. Редина, Л. Ю. Шепелевича, Н. К. Лысенкова и др. Они в свое время непосредственно участвовали в университетской жизни, длительное время пребывая вначале в студенческой, а затем — преподавательской среде, имели возможность сравнивать различные эпохи в истории университета, характер и значимость происходивших здесь перемен.

Так, выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета, в дальнейшем профессор Московского университета Г. И. Челпанов, с удивительной силой эмоциональной выразительности рассказывая о деятельности своего учителя Н. Я. Грота, воссоздает картину неблагоприятного влияния на университетскую жизнь, возможность заниматься не схоластикой, а подлинно актуальными философскими проблемами университетского устава 1884 года, еще больше ухудшившего отношение властей к науке, просвещению (33).

М. Г. Попруженко, вспоминая об А. И. Кирпичникове, его вступительной лекции, собравшей в актовом зале университета студентов буквально всех факультетов, с особой задушевностью пишет о еженедельных, по субботам, встречах студентов дома у профессора. «...Собрания эти начались со следующей же недели и пошли так живо, а главное, с громадной для всех нас пользой, так как только во время этих собраний мы увидели, как мало все мы знаем, как неумело все мы читали, как много нужно работать...» (34).

Такую форму общения, а фактически внеаудиторной работы со студентами, использовали и другие профессора. «Каждый четверг вечером, — вспоминает А. Левитский, — можно было прийти к Алексею Ивановичу [Маркевичу — Ф. С.] на квартиру и в его кабинете уже застать с десятков студентов, между которыми встречались не одни филологи...» (35). «...После таких вечеров мы уходили как будто согреты кем-то близким, почти товарищем, но главное — мы уходили с кистями нужных нам книг под мышкой» (36).

С искренней теплотой вспоминает о своем учителе А. А. Павловском Д. Атлас: «Алексей Андреевич совершенно одинаково относился ко всем студентам, независимо от их убеждений, независимо и от факультета. Я помню в точности его слова по этому поводу: «Я не «левый», но и не «правый».

Одинаково уважаю мнение тех и других и хочу, чтобы и со мной считались. Для меня существует студент работающий, дельный. Бездельников я не люблю. Всем, по мере возможности, хочу помочь и помогаю, чем могу» (37).

Пожалуй, самое сильное впечатление производят портреты преподавателей, написанные рукой подлинного летописца Новороссийского университета профессора А. И. Маркевича. Он оставил меткие, нередко лаконичные, но неизменно выразительные отзывы о плеяде ведущих профессоров, пользовавшихся особой популярностью и любовью у студентов. Наблюдательность и мастерство А. И. Маркевича — мемуариста позволяет воочию представить себе лекции и экзамены профессоров М. К. Павловского, Н. Я. Грога, В. И. Григоровича и др. Перед нами предстают профессор А. Г. Брикнер, читавший «очень живо и горячо, сам сильно увлекаясь», и его противоположность — профессор М. П. Смирнов, читавший лекции «громким, ясным и полным достоинства голосом, изредка поглядывая в конспект» (38).

А. И. Маркевич — сам был опытным и популярным в университете и вообще в Одессе лектором, знавшим толк в этом ремесле, тем более весомой является его оценка лекций профессора Р. В. Орбинского: «Много я слышал хороших лекторов на своем веку, но такого как Орбинский — никогда не слышал. Очень спокойно сидя за кафедрой, не волнуясь и не лицедействуя, но очень выразительно и изящнейшим литературным языком излагал он свой предмет, ни разу не заикнувшись и никогда не оговариваясь или поправляя себя... Дар популяризации имел проф. Орбинский такой, что самые трудные для понимания стороны философии Канта или даже средневековых схоластиков могли быть студентами поняты и записаны.., но после лекции проф. уходил из аудитории и очень не любил, если по дороге какой-либо студент вздумал бы задержать его распросами...» (39). Совсем другим в этом отношении вспоминает А. И. Маркевич, был профессор Ф. К. Брун. «...стоило Бруну выйти из аудитории, его окружали толпа студентов всех факультетов с самыми разнообразными вопросами. Кажется, не было той области знаний, из которой не забрасывали бы его вопросами. Вера в его знания была у нас беспредельна. И действительно, подумав 2—3 секунды, Брун отвечал на какие угодно вопросы, или по крайней мере называл книги, где можно было узнать то, о чем спрашивали. Не было сколько-нибудь относящейся к области его заня-

тий статьи, не то что книги, на всех европейских языках, которой он бы не прочел...» (40).

К сожалению, в последние десятилетия стали редкостью прощальные лекции профессоров, уходящих на пенсию или переходящих на работу в другое учебное заведение. Многие воспоминания указывают на то, что в жизни дореволюционных университетов, в том числе Новороссийского, такие события не проходили незамеченными. В торжественной обстановке не только профессора выражали свои пожелания коллегам, но что самое трогательное — по своему чествовали уважаемого учителя студенты. Имеющиеся воспоминания позволяют представить, как были восприняты прощальные лекции и как расставались с любимыми профессорами А. Г. Бриком и А. О. Ковалевским студенты (41).

В ряде мемуаров, посвященных более поздней эпохе, встречаются ретроспективные экскурсии, характеристики сотрудников и студентов университета в предыдущий период. Нередко у авторов поневоле напрашивались сравнения запечатленных в памяти событий прошлой поры с настоящим, их поражали различия, произошедшие за это время перемены, у них возникали аналогии. Иногда прошлое служило только поводом для того, чтобы поговорить о настоящем, к тому, чтобы брать за перо, вынуждала современность, желание, как выразился один из мемуаристов «ответить фактами прошлого на запросы настоящего» (42).

Именно этими соображениями руководствовался, очевидно, выпускник историко-филологического факультета А. Левитский, который, выражая уверенность, что «жизнь русская сейчас переступила через ту грань, за которой для просвещения не может быть возврата к Д. Толстому» (43), точно передает атмосферу 80-х годов XIX века, ее влияния на университетскую жизнь. «Профессора все были какие-то нахмуренные; новый университетский устав уже давал себя чувствовать: он разобшил профессоров, посеял в лектории, где профессора проводили антракты между лекциями, взаимные натянутые отношения и недоброжелательство к служебному успеху тех, кто успел приспособиться к новому бюрократическому строю университета. Молодые приват-доценты чувствовали себя затравленными; факультеты превратились в царство действительных статских советников — ординарных и экстра-ординарных профессоров, всех людей, которые сумели сохранить приличную репутацию в глазах попечителя округа и министерства; служебные сплетни вместо научных интере-

сов — вот что занимало большинство профессоров. Так, мне кажется, можно было объяснить дурное настроение, с которым профессора приходили к нам на лекции» (44). «...Некоторые из них настолько не обладали лекторскими способностями, что, читая по писанным, ими же составленным лекциям, буквально водили пальцем строчка за строчкой. Конечно, такие лекции нагоняли на нас сон» (45). Следует, кстати, отметить, что о 1880-х годах писали многие мемуаристы, но ни один из них не находил для их характеристики добрых, теплых слов. Напротив, в большей или меньшей степени, но все они оценивают этот период отрицательно.

В. Ю. Кршижановский, например, пишет, что в эти годы «...будничная, серая, угрюмая действительность... создала тяжелую атмосферу, в которой все приходило к оскудению...» (46). Более развернутую картину влияния политических перемен в стране на университетскую жизнь дает И. И. Мечников: «...многие постановления совета кассировались высшей властью, видящей во всем, вопреки действительности, крамолу... Положение профессоров... стало буквально невыносимым... Посещение советских заседаний сделалось настоящей пыткой при виде того, что там творилось. Кандидаты на кафедру, научный ценз которых был ниже всякой критики, делались профессорами и выставляли свое невежество с невежательным цинизмом...» (47).

Авторы воспоминаний чаще всего повествуют об отдельных сторонах педагогического процесса, академической жизни и быте студентов, дают характеристики и оценки деятельности своих университетских учителей и т. п. Значительно реже приводятся сведения, высказываются личные суждения о развитии в Новороссийском университете научных школ. Связано это, очевидно, с тем, что воссоздание истории научных исканий и свершений в жанре воспоминаний представляет особые трудности. Исключение в этом плане составляют, пожалуй, мемуары А. Г. Готалова-Готлиба (48). Автор, основываясь на личных воспоминаниях, дает очерк научно-педагогической деятельности своего учителя Ф. И. Успенского. В публикации наряду с описанием чисто человеческих качеств и черт Ф. И. Успенского подробно характеризуется содержание его лекционных курсов и методика их преподавания, направления, сущность и результаты его научных исследований, общие сведения о научном творчестве, взглядах, концепциях десятков отечественных и зарубежных историков, обществоведов описываемого времени.

Таким образом, мемуарное наследие, посвященное Новороссийскому университету, при всей его фрагментарности и неравномерности, отражает различные стороны и периоды его истории. Учет, изучение, использование этого наследия, без сомнения, весьма важны для воссоздания более полной, исторически достоверной, колоритной картины жизни университета.

Анализ воспоминаний делает очевидной необходимость для всех, интересующихся историей Новороссийского университета, отказа от вынесения однозначного приговора тем или иным его представителям по мерке нынешних идеалов и представлений, осознания неправомерности «опрокидывания» в прошлое более поздней интерпретации — результата длительной эволюции мнений, тем более, что этот результат никогда не может быть окончательным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Одесский университет за 75 лет (1865—1940). — Одесса, 1940; Історія Одеського університету за 100 років. — К., 1968; Одесский университет. 1865—1990. — К., 1991.

2. Маркевич А. И. Двадцатипятилетие императорского Новороссийского университета. Историческая записка. — Одесса, 1890.

3. Ряд исследователей разделяют понятия «мемуары» и «воспоминания», понимая под мемуарами и дневники, и воспоминания. Мы условимся употреблять эти понятия как тождественные, тем более, что дневников, касающихся исследуемой темы нами не обнаружено.

4. Булгаков Л. А. Мемуары, как источник по истории университетов дореформенной России//Вспомогательные исторические дисциплины. — Вып. XVI. — Л., 1985. — С. 190.

5. Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. — Вып. I. Университеты до эпохи шестидесятых годов. — СПб., 1914; Воспоминания о студенческой жизни (в Московском университете). — М., 1899.

6. Московский университет в воспоминаниях современников. — М., 1988; Ленинградский университет в воспоминаниях современников. — Т. 1. — Л., 1963; Т. 2. — Л., 1982.

7. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. — Т. I—V. — М., 1976—1989.

8. См.: Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. — 1988. — Т. 13. — Вып. 1.

9. См.: Труды Института истории естествознания и техники. — 1960. — Т. 32. — Вып. 7. — С. 309—371.

10. См.: Там же. — 1961. — Т. 41. — С. 44—59.

11. Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. — СПб., 1891. — С. 9—10.

12. Витте С. Ю. Воспоминания. — Т. 1. — М., 1960. — С. 66—82.

13. Модестов В. И. Отрывок из воспоминаний//Исторический вестник. — 1884. — № 11. — С. 282—300.

14. Варнеке Б. В. Памяти Ф. Е. Корша. — Одесса, 1915.
15. Модестов В. И. Указ, соч. — С. 295.
16. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы в 2-х т.т. — Т. 2. — М., 1988. — С. 376—398.
17. Гамалея Н. Ф. Воспоминания: Собр. соч. — Т. 5. — М., 1953. — С. 18—21.
18. Акинфиев И. Я. Иосиф Федорович Алдырев: По воспоминаниям товарища. — Александровск, 1907. — С. 2.
19. См.: Там же. — С. 3.
20. Там же. — С. 4—5.
21. Там же. — С. 5.
22. Атлас Д. Г. Памяти профессора-друга. — Одесса, 1914. — С. 27—39; Дембо В. Центральный орган Новороссийского студенчества//Пути революции. — 1926. — № 2/3. — С. 91—98; Александров А. М. Дело Коалиционного Совета и Центрального органа Новороссийского университета//Каторга и ссылка. — 1933. — № 12. — С. 120—137; Лысенков Н. Проф. Е. Н. Щепкин и Одесский университет (1902—1905). — В кн.: Памяти проф. Евг. Никол. Щепкина. — Одесса, 1927. — С. 27—42; Заблудовский П. Е. В Новороссийском университете в годы столыпинской реакции//Из истории медицины. — Рига, 1984. — Вып. 14. — С. 116—120.
23. Боря Клитин: Из семейной хроники. — Одесса, 1910. — С. 12—22.
24. Полевой Н. П. Три типа русских ученых (Куник, Срезневский и Григорович)//Исторический вестник. — 1899. — Т. LXXVI. — С. 141.
25. Там же. — С. 143.
26. Маркевич А. И. Воспоминания о В. И. Григоровиче, как о преподавателе//Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. — Т. III. — М., 1984. — С. 80.
27. Там же. — С. 82.
28. Кауфман А. Е. За кулисами университета-юбиляра (Из воспоминаний и бесед)//Голос минувшего. — 1915. — № 10. — С. 165—178.
29. Афанасьев Г. Е. По поводу статьи А. Е. Кауфмана «За кулисами университета-юбиляра»//Голос минувшего. — 1915. — № 12. — С. 285—287.
30. Кауфман А. Е. За кулисами университета-юбиляра... — С. 166.
31. Кауфман А. Е. Еще об университете-юбиляре//Голос минувшего. — 1916. — № 3. — С. 290—294.
32. Там же. — С. 292.
33. Челпанов Г. И. Памяти проф. Н. Я. Грота. — В кн.: Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. — СПб., 1911. — С. 188—196.
34. Памяти проф. Александра Ивановича Кирпичникова. — Харьков, 1905. — С. 82.
35. Левитский А. Из студенческих воспоминаний (Памяти А. И. Кирпичникова и А. И. Маркевича, профессоров Новороссийского университета)//Вестник воспитания. — 1906. — № 8. — С. 113.
36. Там же. — С. 115.
37. Атлас Д. Г. Указ, соч. — С. 36.
38. Маркевич А. И. Двадцатипятилетие императорского... — С. 166—167.
39. Там же. — С. 306—307.
40. Там же. — С. 191.
41. Колянковский А. Л. Профессор А. Г. Брикнер//Голос минувшего. — 1913. — № 9. — С. 165—166; Заболотный Д. К. Академик А. О. Кова-

левский//Природа. — 1926. — № 7/8. — Стб. 25—26; Ковалевская-Чистович В. А. Александр Онуфриевич Ковалевский (Воспоминания дочери)// Там же. — Стб. 10.

42. Обнинский П. Н. Из воспоминаний юриста//Русский архив. — 1892. — Кн. 1. — № 1. — С. 99.

43. Имеется в виду Д. А. Толстой, являвшийся в 1866—1880 г.г. министром народного просвещения, в 1880—1889 г.г. — министром внутренних дел.

44. Левитский А. Указ. соч. — С. 87.

45. Там же. — С. 88—89.

46. Кршижановский В. Ю. А. А. Вериге (1837—1905).— Тверь, 1905.— С. 10.

47. Мечников И. И. Рассказ о том, как и почему я поселился за границей. — Академическое собрание сочинений. — Т. 14. — М., 1959. — С. 41.

48. Готалов-Готлиб А. Г. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель//Византийский временник. — 1947. — Т. 1. — С. 114—126.